

О временных пособиях мастеровым, рабочим и другим людям, при горных заводах находящимся : Указ Его императорского величества из Правительствующего Сената // Горн. журн. 1827. № 5. С. 3–12.

О производстве порционных денег мастеровым и рабочим людям при золотых промыслах : Указ Его императорского величества из Правительствующего Сената // Горн. журн. 1827. № 5. С. 16–18.

ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 20. № 14878; Т. 22. № 16201; Т. 23. № 16957, 17195; Т. 24. № 17607; Т. 25. № 18603, 18965; Т. 26. № 19986; Т. 27. № 20112, 20160, 20431, 20624, 20680; Т. 28. № 21232, 21359; Т. 29. № 21342, 22208, 22342, 22346, 22456, 22498; Т. 30. № 22986, 23233, 23318, 23346, 23854; Т. 31. № 24368; Т. 33. № 25895; Т. 39. № 30030.

ПСЗРИ-2. СПб., 1830. Т. 2. № 1022. Книга штатов; Т. 3. № 1776. Книга штатов; Т. 4. № 2889–2890.

СЗРИ. Т. 7. Уставы горный, монетный и о соли. СПб., 1857.

Территориально-экономическое управление в России XVII – начала XX века: Уральское горное управление. М., 2008.

Штаты и основные рабочие положения для горных казенных заводов хребта Уральского. СПб., 1847.

Чудиновских В. А. Богословский горный округ в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма* : сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 40–56.

УДК 94(470.34).081:271.2

В. А. Коршунков

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ДЬЯЧКА ЗАМЯТИНА: КАК В XIX В. РУКОВОДСТВО ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ ПЕРЕВОСПИТЫВАЛО СВОИХ ПОДНАЧАЛЬНЫХ¹

В статье, основанной на архивных материалах, рассматривается вопрос о том, каким образом епархиальное руководство реагировало на нарушение дисциплины со стороны подчиненных ему священно- и церковнослужителей. В центре внимания – история дьячка Николая Замятина из г. Котельнича Вятской губернии, которого неоднократно привлекали к взысканиям за пьянство и бесчинства.

¹ Автор благодарен за всегдашнее содействие в работе директору Государственного архива Кировской области Елене Игоревне Пакиной. Благодарю также за помощь замечательного знатока вятских архивов, историка Сергея Владимировича Шишкина.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русская церковь, Вятская епархия, русское духовенство, дисциплинарные практики.

В повседневной жизни Церкви и ее служителей заметно сочетание сакрального и бытового. С одной стороны, даже сельский поп должен был вызывать у верующих людей уважение своей причастностью к священному. Рукоположение, литургия и таинства, святые дары, принятие исповеди – все это в глазах окружающих означало сакральность, неотмирность. А церковное здание, с антиминсом и мощами святых, было священным местом в самом непосредственном смысле: после завершения строительства или после ремонта его освящали. С другой стороны, расхожим пороком духовенства, с которым постоянно боролось руководство, было пьянство и вызванное им буйство. Случалось немало неприятностей и скандалов, связанных с этим пороком. В узком мирке «поповки» (если вслед за Н. С. Лесковым использовать это старинное слово) происходили конфликты по вполне приземленным поводам, нередко в этой среде царили наушничество и доносительство. Появление в церкви священноили церковнослужителя пьяным, либо шум, бесчинства и непотребства, даже обнаружение в церкви пятен крови или чего-нибудь иного, «нечистого» – все требовало от ответственных лиц специальных действий, определенных каноном и обычаем. Церковное начальство вынуждено было реагировать: епископ предписывал духовной консистории завести дело, которое могло тянуться годами.

Историкам было бы важно выяснить, что за причины вызывали такое количество доносов друг на друга в среде духовенства, какие при этом выявлялись внутренние конфликты, какими способами руководство пыталось разрешить конфликтные ситуации и дисциплинировать подчиненных, как при этом старались поддерживать ощущение сакральности.

Такая тема не слишком хорошо изучена. Церковные историки старались ее не касаться. Например, в главах обобщающего труда протоиерея Владислава Цыпина имеются разделы под названием «Религиозно-нравственное состояние народа и церковная жизнь», но в них нет материалов о «религиозно-нравственном состоянии» духовенства [см.: Цыпин]. Советские историки-пропагандисты охотно выискивали в источниках сведения о внутрицерковных «нестроениях» и о пороках церковников, но те из них, кто пытался проявить хоть какую-нибудь объективность в частных вопросах, самостоятельными исследованиями этой темы не занимались [см., напр.: Никольский], а те, кто тщательно собирал порочащие Церковь факты и домыслы, вряд ли могут быть названы исследователями

[см.: Грекулов, 1928]. Современные ученые не очень интересуются поставленной таким образом научной проблемой [см.: Леонтьева; Кондаков; Розов; Бернштам; Шевцова и др.].

Эта проблематика будет рассмотрена на архивных материалах Вятской епархии XIX в. В центре внимания – история, приключившаяся с дьячком Николаем Замятиным из Николаевской церкви г. Котельнича. Сведения о нем выявлены в нескольких разноплановых архивных делах, так что в этом случае можно проследить его судьбу. Вятское духовенство уже изучалось, однако даже в монографии, посвященной священнослужителям Вятской епархии, эксцессы, подобные этому, упоминаются лишь вкратце [см.: Скутнев]. О котельничской Николаевской церкви недавно вышла целая книга, но в ней о повседневной жизни клира не говорится, да и вообще сколько-нибудь подробное изложение ведется лишь с конца XIX в. [см.: Горев].

В 1851 г. благочинный г. Котельнича протоиерей Георгий Усольцов направил епископу Вятскому и Слободскому Елпидифору рапорт, в котором сообщал, что 19 сентября дьячок котельничской Николаевской церкви Николай Замятин «у вечернего пения» был «в столь пьяном виде, что упал в олтаре на пол и разбил себе нос и губу до крови и окровавил оною пол в олтаре». Проводивший в тот день службу священник Павел Феофилактос сразу же послал за благочинным. И тот «нашел сего Замятина спящим в паперти уже не на лавке, а на полу, и близь его кровь и на лавке кровавые пятна». На следующий день благочинный еще раз осматривал Николаевскую церковь, в том числе и некие пятна в олтаре.

В приложенной к этому документу бумаге, которую составили находившиеся в храме во время происшествия священник, дьякон, два дьячка и два пономаря, имелось более подробное описание случившегося. Замятин, дескать, явился на богослужение «весьма в пьяном виде». И это стало заметно по тому, что он «пел (“Господи, помилуй” и проч.) не своим обыкновенным голосом – теноробасом (так! – В. К.), но дискантом». По окончании вечерни все служители собрались в олтаре «для выслушания и подписки к присланным для объявления указам». Тогда уже они заметили, что дьячок Замятин сильно пьян. Священник «Павел Феофилактос, усмотрев это, неоднократно говорил ему, чтоб он вышел из олтаря, и даже велел вывести; но дьячек Замятин не послушал ни священника, ни братии. Напротив, заметив, что один из (трех) указов священником был уже подписан и желая выказать обыкновенную свою важность пред прочей братией, прежде диакона взял бумаги и подписался к одному

из указов²; но, видя, что он подписался весьма дурно, во избежание подобных беспорядков, прочих указов для подписа ему не дали. По окончании подписки к указам священник Павел Феофилакт и диакон Василий Ивановский тогда же разошлись по домам, а прочие оставались в олтаре для того более, чтоб выпроводить дьячка Замятина. Когда же и те стали выходить из олтаря, то дьячек Замятин, желая достичь дьячка Димитрия Анцыгина, вероятно, запнувшись, упал в олтаре на пол и разбил себе нос и губу до крови. Пономарь Иван Попов, пришед к тому месту, где упал Замятин, увидел на полу, шагах в двух от левых пономарских дверей, значительные капли крови, которые церковный сторож Николай Афанасьев хотя вскоре и растер, однако оные и на другой день были для всех весьма приметны. Наконец, дьячок Замятин, от удара ли о пол, или уже от действия вина до того ослабел, что, вышед из олтаря, лег в церковной паперти на лавку и, наделав большие пятна крови на лавке и на полу, спал часа два; потом ушел будто бы в церковную ограду и там проспал далее полуночи».

Епископ Елпидифор повелел переосвятить церковь, а с дьячком разобратся, отстранив его покуда от служения. Вятская духовная консистория, конкретизируя указание епископа, поручила провести следствие духовному правлению соседнего уезда – Орловского, которому подчинялись также церкви Котельнича [см.: ГАКО, ф. 237, оп. 154, д. 1267, л. 1–3].

Дьячок Замятин, чтобы оправдать себя, в объяснительной записке стал намекать, что его коллеги ведут себя еще хуже:

«Сего 1851 года сентября 19 дня был я приглашен с прочими на поминки, где выпил по убедительной просьбе хозяина водки, от чего пришел несколько в опьяненное состояние, пришел к вечерни и после оной стал гасить свечи в олтаре, и в конце пономарских дверей, запнувшись за плиту, шатавшуюся и не плотно лежавшую, сподкнулся и присек губу, от чего и оказались едва приметные две капли крови. <...>

Но как сей случай нечаянности произошел единственно от поврежденной плиты и мог быть совершенно с трезвым, но за всем тем поступок этот против должности и благоповедения угрызает мою совесть; тем более что я в продолжении всей двенадцатилетней службы не подвергал себя формальному суду, и притом относительно семейства моего, в коем я имею, кроме жены своей и дочери, пропитываю отца своего, священника, одержимого падучею болезнию, мать и трех возрастных сестер; то на основании 165 пункта ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Устава духовных

² Подписи под бумагами клирикам нужно было ставить в строгом порядке и по старшинству: настоятель храма, потом другой священник, затем дьякон или дьяконы, в самом конце – дьячки и пономари. Именно так и под этим документом.

консисторий³ прошу покорнейше, как отца и покровителя бедным и несчастным, без формального судебного производства, своим архипастырским судом осудить меня по ВАШЕМУ отеческому благоусмотрению для очищения моей совести» [Там же, л. 4-4 об.].

Замятин просил епископа осудить его «без формального судебного производства, своим архипастырским судом». В чем разница? Он апеллировал не к бездушному закону, а к личности – «отцу родному», который строг, но милостив. Подобно гласу народному, что призывал сурового городничего в пьесе А. Н. Островского «Горячее сердце» (1869): «Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарыч». Может, и так. Но главное: официально проведенное разбирательство и затем церковный суд наверняка оставили бы более весомые, неизгладимые следы в анкетах и послужных списках. В клировых ведомостях – ежегодных отчетах приходского клира перед церковным начальством – непременно указывались награды и наказания каждого священно- и церковнослужителя. Взыскания, определявшиеся без суда, а только по распоряжению начальства, согласно правилам, не должны были отражаться в клировых ведомостях. И при начале какого-нибудь допроса под протокол, когда устанавливали личность, от человека требовали ответа, был ли он когда-либо судим и наказан. Впоследствии об этом придется заявлять и несчастному Замятину. Покуда же он мог смело писать назначенному по его делу следователю, что «судим и штрафован не бывал».

Следователем по этому делу назначили священника из г. Орлова Петра Катаева. Чтобы прояснить некоторые обстоятельства, он направил в письменном виде уточняющие вопросы самому Замятину и его коллегам – доносителям и свидетелям.

Стало известно, что в тот злополучный день – 19 сентября – в доме молодого пономаря Ивана Пономарева и его матери, просфорницы Матроны, проходил поминальный обед по хозяину – отцу Ивана. Покойный был причетником Николаевской церкви Котельнича, а его сын стал служить в Предтеченской. На обед пригласили людей из двух этих церквей. Священников на нем не было, а дьякон был один. Собрался народец поплотнее – дьячки да пономари. Священнослужителям, видимо, не по чину

³ Устав духовных консисторий был подписан Николаем I и введен в действие в 1841 г. Он разделялся на три разряда (части), и весь третий разряд регулировал устройство епархиального суда. Среди архивных дел Котельничского благочиния хранятся выписки из «Проекта устава духовных епархиальных консисторий» [см.: ГАКО, ф. 252, оп. 1, д. 2, л. 244–246].

было в дом к просвирне заявиться, бок о бок с низшими за поминальным столом сидеть. Дореволюционная Россия – страна сословная, и каждое местное сообщество выстраивалось по ранжиру, в том числе и котельничская «поповка».

Шесть вопросов, адресованных Замятину, следователь Катаев формулировал незатейливо, зачастую просто копируя те фразы, которые фигурировали в прежних бумагах. Он вопрошал Замятина: «...В каком виде, т. е. трезвом или пьяном, был ты у вечернего пения, и для чего пел “Господи, помилуй” и пр[очее] не своим голосом – теноробасом, а дышкантом?» Тут же, чуть ниже, Катаев спрашивал уже так, будто не сомневался, в каком виде тот был у вечерни: «...Для чего ты, будучи в нетрезвом виде, заподписал один указ прежде д[ь]якона весьма дурно?..» Вот еще вопрос следователя: «...По какой побудительной причине ты гнался по церкви в олтарь холодного храма за причетником Димитрием Анцыгиным, и от какого побегу якобы ты упал в олтарь?..» Интересовало его также, «где ты и с кем угощался вином и в каком количестве?» [Там же, л. 13–14 об.]

Дьячок Замятин на это отвечал:

«1. Я от дня своего рождения имею 27 лет, судим и штрафован не бывал.

2. При приходской своей церкви прохожу настоящую свою должность тринадцатый год, и во время прохождения оной с октября 1843 до 1 октября 1851 года занимаюсь в поселянском училище⁴ помощником у наставников частным, в чем имею ссылку на г[осподина] смотрителя училища Бажина и священника Михаила Наумова <...> естли бы я был худой нравственности, то никогда бы меня не допустили до обучения детей поселянских.

3. Признаюсь чистосердечно, что я сентября 19 дня сего 1851 г. у вечернего пения был навеселе от употребления мною до четырех рюмок

⁴ Так иногда именовались церковно-приходские училища. Одно такое училище находилось в самом Котельниче. Похоже, педагогическая деятельность Замятина, на которую не было нареканий, после этого происшествия закончилась. Затем там будет служить «окончивший курс богословия» Степан Сырнев. С сентября 1855 г. Сырнева сделают причетником в Николаевской церкви, он станет очень загружен, и в 1856 г. в «Котельническое поселянских детей училище» назначат священника Павла Феофилактова [см.: ГАКО, ф. 237, оп. 159, д. 1414] – того самого, что доносил на Замятина. Именно служители Николаевской церкви, даже совсем молодые и неопытные, занимали в этом училище различные посты, их там порой работало по несколько человек. Так что едва ли привлечение Замятина к работе помощника в поселянском училище свидетельствовало о его собственном высоком образовании или об особенных талантах.

вина⁵ вместе с доносителями – причетниками Анцыгиным и Поповым в доме причетника Пономарева на поминках, по усиленной просьбе матери его, Матроны. Впрочем, за исправлением вечерни “Господи, помилуй” и прочее пел обыкновенным своим голосом благопристойно. А может быть, разногласное и несогласное пение священнику Феофилаktову показалось от того, что пившие вино прочие причетники со мною на поминках более меня были, подобно мне, в опьянении, и донос причта не может быть во всех отношениях вероятен, потому что причетник Попов за нетрезвостию вовсе не был у вечерни, а пришел к оной уже после окончания за повечерием⁶, чего и сам Попов не может отрицать. По окончании вечерни я входил в олтарь благопристойно с подобающею честию ко храму Господню, но когда по приходе в оный олтарь священником Феофилаktовым были предложены три указа для подписа, то я говорил скромно, во-первых, о том, что неуместна подписка без настоятеля, впрочем, исполняя волю чередного священника Феофилаktова, я хотел подписаться под всеми, но, неизвестно почему, мне, кроме одного указа, не дали подписаться. Из предложенных указов я в олтаре по приказанию священника подписался под одним указом тем самым почерком, которым обыкновенно пишу, почему для оправдания невинности, если благоугодно будет начальству, прошу вытребовать к делу оригинал от благочинного, отца протоиерея Георгия⁷. О выходе мне из олтаря и выведении меня причетниками священник Феофилаktов не говорил.

⁵ Здесь Замятин признается в том, что он пил вино. А в предыдущем документе, в его прошении, речь шла о водке: «...Выпил по убедительной просьбе хозяина водки». Надо иметь в виду, что в те времена водку часто именовали вином – не виноградным, а хлебным либо простым. В показаниях свидетелей напитков, употреблявшийся в тот день, так и назван: «хлебное вино», «простое вино» [ГАКО, оп. 154, д. 1267, л. 25 об., 27, 34].

⁶ Вечерня и повечерие – богослужения суточного церковного круга, его вечерней части.

⁷ Обычно Замятин писал аккуратным бисерным почерком, четко выводил каждую букву. В архиве сохранилось несколько сотен официальных бумаг, полученных котельничскими благочинными во второй половине XVIII – середине XIX в. [см.: ГАКО, ф. 252, оп. 1]. Правда, по годам они распределены неравномерно (кто-то из благочинных тщательно относился к их собиранию, а кто-то, видимо, не очень). Среди них вроде бы нет тех документов, с которыми 19 сентября 1851 г. знакомились клирики Николаевской церкви, собравшись в алтаре. Вполне возможно, что у благочинного эти документы и не хранились: если бумага пришла из духовного правления или духовной консистории, то благочинный, собрав подписи, должен был отослать ее обратно (но копию мог бы оставить у себя).

4. После подписа указов, когда священник Феофилакт и дьякон Ивановский, и дьячек Веснин ушли из церкви, я за Анцыгиным не гнался, а, как будучи очередной причетник, намерен был осмотреть altarь – не осталось ли в оном горящих свечей без погашения, между прочим, и пошел из холодного храма в altarь того же храма для осмотра, запнулся за опочную плиту, немного выдавшуюся⁸ и находящуюся за левым клиросом близ киота с иконой стоящей, и, споткнувшись, упал чрез две ступеньки прямо в пономарские северные двери altarя холодного храма на опочный пол и присек себе губу до крови, от чего оказались едва приметные две капли крови, которые тогда же были по приказанию моему и причетника Попова сторожем Селезевым притерты сырою тряпкою, и эти пятна на опоке были в самом дальнем разстоянии от престола. И когда я от упадения ненамеренного отшиб себе грудь так, что потрясло всю мою внутренность, едва встав сам с места, сказал сторожу Николаю Селезеву о затертии пятен, не входя во внутренность altarя, возвратился из оного на паперть, лег на лавку, по объясненной (так! – В. К.) причине не мог идти домой. В сие время причетник Попов, признав меня пьяным, будучи сам нетрезв, ходил для объявления священнику Феофилактову, а сей довел до сведения благочинного протоиерея Георгия, который меня тогда же и свидетельствовал, даже и те места, где были пятна крови от присечения моей губы о пол. А когда немного тягость отошла от груди, то я, встав с места, ушел домой. По приходе к утрени, т. е. 20 сентября сего года, хотя просил у священника Феофилактова прощения, но он, не сотворив мне милости, донес начальству, умолчав о том, что причетник Попов не был у вечерни, а пришел к оной за повечерием. Из небытия Попова у вечерни видно, что он оклеветывает меня в неблагопристойном пении несправедливо, равно и прочая братия, а единственно из угодности к священнику Феофилактову и личным неприязням по случаю неправильного разделения прихожан между нашими причтами.

⁸ Опока – разновидность известняка. Это удобный для обработки камень светлого цвета, который широко применялся на Вятке для изготовления архитектурных деталей, надгробий и прочего. Опочный пол был устроен во многих церквях. В Никольской церкви пол чинили незадолго до того. 1 мая 1847 г. крестьяне Яранского уезда Мосей Богомоллов и Федот Скурихин подрядились за лето выполнить работы по починке пола «в теплом приделе на левой руке и холодной церкви» (т. е. на левой стороне отапливаемой церкви и в той самой холодной церкви, где и случится происшествие с Замятиным). Мастера должны были изломанные опочные плиты заменить новыми, а «не изломанные, но впадшие, выстрогать стругом и утвердить» [Там же, д. 3 а, л. 10–10 об.].

5. А что были причетники Веснин, Анцыгин и Попов со мною у причетника Пономарева и пили довольно вина, не могут и сами отрицать. В случае их заpirationательства ссылаюсь на бывших у Пономарева людей: дьякона Ивана Огнева и причетника Кира Суворова, кои могут показать, кто сколько из нас пил и как угощался вином. Я в сем случае мог бы сослаться и на причетника Пономарева и мать его Матрону, но как Пономарев, угощая нас, по-видимому от усердия, сделался донощиком, а может быть, из угождения к священнику, как не знающий церковного круга и без стихорного⁹, дабы не могли сделать Пономареву стеснения, то я его с материю Матроною в свидетельство принять не могу. А сторожа Селезенева, не по приговору находящегося при церкви, а просто за брата служащего, хотя и не следовало бы принять во свидетели о происшествии церковном, но, полагаясь во всем на христианскую совесть, спросить за присягою, за неимением свидетелей, допускаю.

6. Но как сей случай, т. е. падение мое в церкви, произошел от неосторожности моей и от неплотно лежащей опочной плиты, о которую я запнулся, что утверждает и братия, мог быть и с трезвым, то приемлю смелость просить и прошу у епархиального начальства благоснисхождения в моей вине, приняв во уважение многочисленное мое семейство и то, что я ранее сего под судом и в штрафах не был и проходил частную должность помощника в поселянском училище у многих наставников и многие годы, и пил вино у Пономарева равно с братиею, кои тоже, за выпитием излишнего вина, вовсе равно как и я, не должны были входить во Святая Святых, где не должно быть производимо подписание указов, во избежание могущих последовать и последовавших чрез вовлечение происшествий» [Там же, л. 15–18].

Таким образом, благодаря рвению бдительного дьячка Замятина, вдруг вскрылось множество нелицеприятных фактов. Коллеги-то у него каковы: сами пьют и сами на него доносят! А один так назюзюкался, что к вечерне не явился. И ему все сошло с рук! Это потому, что священник его грехи покрывает. Да и вообще: иереи прихожан разделить между собой по справедливости не могут, в святом алтаре чуть ли не заседания устраивают. Церковным сторожем состоит не тот, кто подражался,

⁹ Имеется в виду богослужебный круг церковных празднований и молитвословий. Круг бывает суточным, седмичным (т. е. недельным) и годовым. Стихиры – богослужебные песнопения, написанные стихотворным размером. Они передают смысл и значение церковного праздника. Правильнее «стихирный», но говорили и «стихорный».

а брат его! Сам же Замятин – любо-дорого посмотреть: скромн, учен, принципиален. Службу знает – не то, что некоторые его коллеги.

Следователь Катаев предлагал свидетелям припомнить и уточнить детали происшествия. Священника Павла Феофилактова и дьякона Василия Ивановского он спрашивал, трезвы ли были прочие служители в тот вечер. Священник и дьякон отвечали, что, по их замечанию, весь причт был трезв. И сторож Николай Селезнев подтверждал это [см.: Там же, л. 20 об., 23 об., 34 об.]. Кстати, направляя отдельные запросы священнослужителям, Катаев величал их на «вы», а свидетелям-дьячкам, как и дьячку Замятину, «тыкал». Каждый церковный сверчок знал свой шесток. Да и чужой тоже.

Начальство осталось не слишком довольн работой следователя Катаева: он выпросил не все, что было нужно. И количество выпитого на поминальном обеде не установил! Забавно, но власти в таких случаях искренне верили, что спустя много недель можно выяснить (доносами, свидетельскими показаниями, признаниями, очными ставками), кто сколько и чего употребил и как именно себя потом вел. Катаеву пеняли на то, что он не озаботился очной ставкой, чтоб разрешить этакое противоречие: все, кто был на поминках, признавались, будто пили там по четыре рюмки (как, например, пономарь Иоанн Попов, который и вправду не пошел после этого к вечерне, однако ж уверял, что был трезв), а один объявил, что выпили рюмок пять-шесть. Так четыре или пять?!

О переосвящении церковного здания в этом архивном деле подробностей нет. Однако без такого обряда обойтись после произошедшего нельзя было. Как сообщал епископу благочинный, сразу же после случившегося «совершение литургии в том храме, до получения от Вашего преосвященства разрешения, остановлено». Его преосвященство, как обычно, повелел «учинить очищение с молитвою». В документе за 15 ноября 1851 г. сказано: «...Те места, кои были окровавлены причетником Замятиным, были освящены с молебствием, по чиноположению, в последних числах октября сего года» [Там же, л. 29 об. – 30].

Катаев представил результаты своего расследования в Орловское духовное правление. Правление, рассмотрев бумаги, направило свое мнение наверх – в Вятскую духовную консисторию. Орловские решили не обострять ситуацию, принимая во внимание искреннее раскаяние дьячка Замятина, его беспорочную службу в поселянском училище и т. п. Упал-то он, должно быть, не столько от винопития, сколько от неосторожности. Да и другие тоже пили! Но они оказались свидетелями. «...Полного вероятии (так! – В. К.) доносителям, подписавшимся под рапортом,

за непредставлением доказательств... дать нельзя». Рекомендовали направить Замятина в монастырь на три месяца, а потом вернуть на прежнее место службы [см.: Там же, л. 40–41].

Однако в консистории решили, что излишней снисходительности проявлять не следует, да и не одного лишь Замятина следует наказать. В феврале 1852 г. постановили: дьячка Замятина направить в Спасский монастырь г. Орлова «на послушания и труды», а за окровавление алтаря и паперти пусть его «духовный отец» наложит на него годичную епитимию. Кроме того, Замятин должен был компенсировать «прогонные деньги» (т. е. командировочные) следователя Катаева. Тот уже получил их из Никольского храма, так что теперь Замятину надо было вернуть деньги в храм. Требовалось также растолковать виновному, «что как сознание его было неполное, то и не могло быть принято во уважение».

Священнику Катаеву, который, по мнению консистории, провел следствие не вполне тщательно, решено было «поставить на вид» [Там же, л. 43–43 об.]. Впрочем, его и впоследствии привлекали для расследования подобных происшествий. Так, в 1856 г. он разбирался со священником Николаем Рязановым из с. Круглыжского Котельничского уезда, который пьянствовал, грубил коллегам, чудил в церкви при обряде венчания [см.: Там же, оп. 159, д. 1550].

Когда консисторские докладывали об этом епископу, тот повелел сделать замечание священнику Николаевской церкви Павлу Феофилактону за то, что его подначальные дурно себя ведут и пьянствуют. Следствием было точно установлено, что пил Замятин не один, а с прочими причетниками, которые явились «к вечернему пению» явно не вполне трезвыми (хоть и не буянили). Соответственно, консистория распорядилась: «Дьячка Анцыгина и пономаря Попова выслать в архиерейский дом на месяц для научения трезвости» [Там же, д. 1267, л. 43–43 об.].

Но поучить трезвости удалось только одного из двух – Анцыгина. В бумаге, составленной в мае 1852 г., сообщалось, что другой – «пономарь, Иван Попов, назначенный в архиерейский дом на усмотрение, помер» [Там же, л. 45–45 об.]. Шел ему уже шестой десяток, так что и рассуждать о причине смерти старика никому было не интересно – ну, помер, так помер – у Бога дьячков много.

Анцыгин провел свой срок в архиерейском доме, и отныне это наказание упоминалось в его послужном списке. Правда, назначили ему один месяц, а вышло, что он там под наблюдением пробыл два месяца [см.: Там же, д. 614, л. 22]. Если это не путаница в бумагах, то, видимо, срок ему продлили за какую-то новую выходку.

Сам Замятин отработал свои три монастырских месяца благополучно. В июле 1852 г. из Спасо-Орловского монастыря извещали, что Замятин «вел себя очень хорошо». И в клировых ведомостях за 1852 г. отмечено: «После находимости в Орловском монастыре за пьянство вел себя осторожно и в поведении с худой стороны не замечен» [Там же, л. 20 об.].

Замятин вообще-то, когда хотел, мог держать себя прилично. Например, как только он в юном возрасте поступил на церковную службу, то получил такую характеристику: поведения «хорошего, к должности подвижен» [Там же, д. 602, л. 24]. Имеется в виду: бодр и деятелен. За год до происшествия в алтаре отмечалось, что он поведения «порядочного» [Там же, д. 612, л. 20]. И даже за 1851 г. читаем, что «уволенный дьячок от должности», который «находится под судом и следствием», поведения «не худого» [Там же, д. 613, л. 17].

Вообще отметки за поведение у служителей Никольской церкви оказывались затейливыми, хотя и не слишком информативными: поведения «скромного», «честного», «хорошего», «добропорядочного». Понятно, что высший класс — это «добропорядочность», «скромными» же обычно числили начинающих и в невысоких должностях, а всего лишь «не худое» поведение сильно проштрафившегося — самый большой комплимент, который можно о нем сказать.

Спустя пять лет после случая в алтаре отец дьячка Замятина Павел обратился с прошением к государю императору. Жизнь Замятина-старшего была нелегкой. Он страдал эпилепсией, и его уже давно перевели со священнической должности на пономарскую. Потом, как только сын подрос и смог его заменить, он вышел за штат. В его послужном списке имелась отметка о начальственном неодобрении. В 1839 г., когда 46-летний пономарь Павел Замятин по болезни выходил, так сказать, в отставку, в клировых ведомостях было написано: «Судим и штрафован не был, кроме перемещения на настоящее место, без ношения рясы, после находимости в 1831 году в архиерейском доме на усмотрении по неодобренной рекомендации благочинного» [Там же, д. 601, л. 30].

Старик Замятин взывал: «Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший! <...>

1. С 1824 года начал страдать я падучей болезнью, почему и находился до 1839 г. 16 марта при той же церкви на причетнической должности, а с этого 1839 года по усилившейся во мне болезни и по настоящее время нахожусь за штатом, а на место меня для воспитания

малолетнего семейства моего¹⁰ определен сын мой Николай Павлов Замятин.

2. В истекший 1855 г. означенный сын мой по выжитии вторично в Спасо-Орловском монастыре на испытании в поведении, хотя и получил в оба раза от настоятеля того монастыря одобрительные рекомендации, но за последний раз в виде дальнейшего испытания перемещен от котельнической Николаевской церкви того же уезда в село Юрьевское.

3. По настоящее время у сына моего Николая Замятина, кроме жены его и 2-х малолетних детей, состою еще и я на воспитании и призрении с тремя уже взрослыми дочерьми-девицами, при посредственном пособии, заключающемся в 20 р. сер[ебром] от попечительства¹¹.

4. Ныне, по представлению местным архиастырем Елпидифором оштрафованных причетников, Св[ятейший] синод сына моего Николая предназначил к исключению из дух[овного] звания в податное состояние¹²; но как сын мой Замятин никакого ремесла не знает и, следовательно, в податном состоянии не в силах будет не только призывать меня, дряхлого и увечного, с 3-мя моими дочерьми, но и пропитывать свое семейство. Я же надеюсь, что сын мой Николай, будучи еще в молодых летах, оставаясь в духовном звании, при непосредственном и усиленном моем над ним надзоре, не преминет исправить и улутшить свое поведение. То и осмеливаюсь всеподданнейше просить:

дабы повелено было сына моего Николая Замятина, по уважению вышеозначенных причин, оставить по примеру прочих в прежней должности впредь до исправления в поведении с нисхождением поступков его, и самого предназначения к благополучию коронования царствующего нами монарха (так! – В. К.)¹³. И тем доставить мне при последних днях моей жизни спокойный приют» [Там же, оп. 159, д. 1734, л. 2–2 об.].

Прошение отца составлено весьма дипломатично. О прегрешениях сына говорится уклончиво, без уточнения, за что его наказывали: «...По выжитии вторично в Спасо-Орловском монастыре на испытании в поведении, хотя и получил в оба раза от настоятеля того монастыря

¹⁰ «Воспитание» – здесь: в буквальном смысле, т. е. пропитание.

¹¹ Имеется в виду попечительство о бедных духовного звания.

¹² Люди «духовного звания» податей государству не платили.

¹³ Александр II вступил на престол 18 февраля 1855 г., а коронация в Успенском соборе московского Кремля состоялась 26 августа 1856 г. Замятин-старший оформил свое прошение через четыре дня после коронации. Возможно, такое приурочение было нарочитым.

одобрительные рекомендации...» То есть Замятина-младшего наказывали дважды, но в документе это важное обстоятельство подано почти как доблесть – он же получал одобрение! За что ему определили первое наказание, нам известно. А за что второе в 1855 г.?

Прошение на имя императора, посланное в профильное государственное ведомство – Святейший синод, вернулось оттуда обратно к епископу Вятскому и Слободскому Елпидифору и в Вятскую духовную консисторию. Там должны были разобраться с этим делом и представить Синоду свои предложения. Консистория подготовила справку:

«Бывший пономарь города Котельнича Николаевской церкви Николай Павлов Замятин, 33 лет, священнический сын, по исключении из нисшего отделения Вятского духовного уездного училища, в 1839 г. декабря 20 дня определен к исправлению дьяч[еской] (от слова «дьячок». – *В. К.*) должности в сей Николаевской церкви. В 1841 г. апреля 20 дня посвящен в стихарь. В 1852 г. за нетрезвость и окровавление олтаря и паперти церковной послан был в труды на три м[еся]ца, с удалением от места, в Орловский монастырь. Кроме сего, в 1855 году за буйство в пьяном виде и разбитие стекол в доме женки Банниковой посылан туда же в труды на один месяц, с тем что, если выживет там определенный срок¹⁴ с одобрением, то приискивал бы для себя места причетнического в каком-либо селе. Затем в том же году он, Замятин, как не совсем одобрительного поведения, внесен был в ведомость причетников и других нисших служителей (так! – *В. К.*) Вят[ской] епархии, предназначавшихся к обращению в военную службу. Между тем, до решения участи в Св[ятейшем] синоде, согласно просьбе, в 16 день декабря того же года, определен был на упраздненное пономар[ское] место в село Юрьево Котельнич[еского] уезда. По рассмотрении в Св[ятейшем] синоде представленной ведомости, указом от 10 июня сего 1856 года, между прочим предписано бывшего пономаря Замятина уволить из дух[овного] звания для избрания рода жизни. Вследствие чего сей Замятин, по вытребовании в консисторию, отослан в губернское правление при отношении от 6 числа минувшего м[еся]ца ноября¹⁵. В семействе имеет жену, сына 2 и дочь 8 лет. За 1856 г. не аттестован,

¹⁴ Глагол «выжить» и образованный от него бюрократический термин «выжитие» означали «прожить», «проживание».

¹⁵ Эта фраза означает, что Замятина вызвали в консисторию и затем перенаправили оттуда в губернское правление вместе с поясняющим ситуацию официальным документом («отношением»).

а за 1854 г. аттестован таким образом: чтение, пение и катехизис знает хорошо, поведения порядочного» [ГАКО, ф. 237, оп. 159, д. 1734, л. 3–4].

«Исключить» из учебного заведения – не значит выгнать. Так в то время обозначали окончание того или иного учебного курса. Образование у Замятина-младшего минимальное: он умел читать, писать, считать. При церкви научился петь церковные молитвы и песнопения. Но едва ли более того. Видимо, и поэтому тоже (а не только из-за своего поведения) выше скромной пономарской должности он не поднимался. Учебу ему пришлось бросить из-за нездоровья отца рано. С 16 лет он стал прислуживать в Никольской церкви. В клировых ведомостях за 1839 г. сказано, что Николай Павлов Замятин – указный дьячок, он 20 декабря 1839 г. «определен к исправлению дьяческой должности» [Там же, оп. 70, д. 601, л. 26 об.]. (Ведомости писались обычно в начале следующего года, так что событие, случившееся в самом конце года отчетного, туда попадало.)

И главное. Оказывается, наш герой отличился вторично: через четыре года после «окровавления» алтаря он, пьяный, буйствовал и бил стекла в доме какой-то бабы!

Эту характеристику читали те церковные чиновники, которые прикидывали, как отреагировать на прошение его отца. И решили, наконец.

Вот определение Вятской духовной консистории, утвержденное 7 января 1857 г.: «Поступки бывшего пономаря Замятина, за которые он два раза был послан в Орловский монастырь на послушание и удален от места при котельнической Николаевской церкви, как видно из справки, облачают в нем неуступчивость характера, а потому и мало подают надежды на исправление его. Состояние отца его, заштатного священника Замятина, обеспечено пособием от попечительства о бед[ных] дух[овного] звания; а сестры его уже в таком возрасте, что могут приобретать пропитание своими трудами и быть пристроены к месту. Что же касается до того, что бывший пономарь Замятин не знает никакого ремесла, которое доставляло бы ему возможность пропитывать свое семейство и призреть своего отца, то консистория не может видеть в этом обстоятельстве достаточной причины к возвращению в дух[овное] звание. Посему, признавая пономаря Замятина неблагонадежным к возвращению в духовное звание и не видя необходимости сего в его семейственных обстоятельствах, к[онсисто]рия полагает отказать просителю в удовлетворении по прошению его» [ГАКО, оп. 159, д. 1734, л. 5].

Сначала вятский епископ, а затем и Синод согласились с мнением консисторских чиновников. 31 мая 1857 г. из Петербурга на Вятку была

послана соответствующая бумага. И 27 сентября было предписано направить благочинному указ, чтоб он ознакомил Замятина-старшего с ответом [см.: ГАКО, оп. 159, д. 1734, л. 9 об., 10]. Дело по прошению несчастного отца велось больше года.

Спустя десятилетие, в 1861 г. в Спасском монастыре г. Орлова произошло похищение иконы святой мученицы Варвары. Эта икона, «в серебряной ризе», ранее была пожертвована в монастырь богатым семейством. Через десять дней ее нашли подброшенной к воротам монастыря – в целости, даже риза не была сорвана. Тем не менее, заведенное следствие продолжалось. И затянулось оно на долгие годы. Одни допрошенные иноки подозревали других. И доносили. Так, старый иеромонах Владимир сообщил следствию, что причастными к краже могли быть исключенный из духовного звания дьячок Николай Замятин и еще один тамошний обитатель [см.: ГАКО, оп. 164, д. 774, л. 29–29 об.]. Вскоре старик простудился и умер, так что когда следователи стали допрашивать этих двух подозреваемых, то Владимир уже не мог ничего пояснить.

Допрос бывшего дьячка Замятина состоялся лишь спустя шесть лет после кражи (и возвращения) иконы, 20 октября 1867 г. Итак, в это время он – послушник Спасского монастыря Николай Павлов Замятин, 44 лет, сын священника. Вот что записано с его слов: «Штрафован был дважды: в первый раз в 1852 году за нетрезвость и окровавление св. олтаря и паперти был послан в сей монастырь на три м[еся]ца в черные труды, а во второй раз за нюханье табаку в церкви за богослужениями по определению епархиального начальства клал сто поклонов; вследствие этих штрафов, будучи внесен в список штрафованных, Святейшим синодом в 1856 году исключен из духовного звания и в 1858 году приписан к котельническому градскому обществу». Но в конце концов он оказался в монастыре [см.: Там же, л. 32–33].

Получается, Замятин умудрился еще раз отличиться: нюхал в церкви табак. Причем прямо во время богослужения! Когда он это учудил, не сказано. Очевидно, до 1856 г. Кстати, о битье стекол, которое случилось в 1855 г. и за которое он на месяц был направлен в этот же самый Спасский монастырь г. Орлова, Замятин не хотел лишний раз напоминать. Следовательно, проводивший допрос, об этом происшествии не знал, но мы-то знаем: на совести Замятина было не два, а, как минимум, три серьезных проступка.

В общем, его окончательно вывели из «духовного звания», т. е. из церковнослужителей, и он стал мещанином Котельнича. Видимо, жилось ему в «градском обществе» несладко, и Замятин сумел поселиться в хорошо знакомом Спасском монастыре г. Орлова. В этом монастыре в ту

пору обреталось немало столь же колоритных личностей. При допросах выяснялось, что чуть ли не каждый второй насельник монастыря в чем-то проштрафился. Вот фраза из показаний запрещенного в церковном служении рясофорного дьякона Петра Львова Томилова, 75 лет: «Судим и штрафован был неоднократно, и теперь состою под запрещением за осквернение амвона уриною по причине старости и слабости сил» [Там же, л. 33]. Таким образом, храмы осквернялись не только кровью, но и мочой, даже калом – и такие случаи отмечены в архивных источниках [см.: Там же, оп. 101, д. 101]¹⁶.

История дьячка Замятина, как и многие другие подобные случаи, показывает, что епархиальное начальство весьма активно реагировало на случаи пьянства и буйства среди вверенных его попечению священно- и церковнослужителей. Нередко пытались (спустя много времени после происшествий) выяснить даже самые малые детали, которые могли бы вести к оправданию или обвинению.

Почти каждый священно- и церковнослужитель, если он был уже немолод, имел в своем послужном списке такие наказания, которые надлежало заносить в официальные документы. Те же, у кого в таких списках фигурировали не взыскания, а поощрения и награды, продвигались по службе (насколько это вообще было возможно для белого духовенства в провинции). Например, становились благочинными, привлекались для выполнения ответственных и почетных обязанностей по церковной и государственной линии.

Церковные наказания, с нынешней точки зрения, бывали не такими уж суровыми: месяц-другой, реже – три, в отрыве от привычной обстановки, в трудах и под наблюдением. Впрочем, и по законам Российской империи пребывание под стражей или в работных домах за не слишком значительные правонарушения также исчислялось лишь днями, неделями, месяцами. И многое зависело от конкретной ситуации и того человека, кто принимал решения: на обычное пьянство до поры до времени закрывали глаза, ну а потом злостный выпивоха мог получить как месяц, так и полгода.

Возможно, кое-что объясняется пристрастностью и прямой продажностью консисторских чиновников. Об этом можно судить не столько по документам, сколько по воспоминаниям и беллетристике. Тогдашние церковные люди, знатоки латыни, придумали псевдолатинскую фразу

¹⁶ Материалы этого архивного дела опубликованы В. А. Любимовым [см.: Барановы, Кудрины... Щепины... Юферевы..., с. 464–466].

о том, что консистория – место, где устраивается священникам, дьяконам и пономарям «обдирация» да «облупация»: «Consistorium protopoporum, diaconorum, ponomarovumque obdiratio et oblupatio est» [Кони, с. 27]¹⁷.

Самое же примечательное – это общая тенденция, которая просматривается за дотошными разбирательствами и «отеческими» наказаниями. К длиннородым пастырям и их помощникам относились как к детям малым, контролируя и регламентируя, понимая и прощая, грозя и поощряя. При этом начальству нужно было еще задумываться о поддержании в народе ощущения церковной сакральности.

Тем не менее авторитет Церкви со времени ее огосударствления отнюдь не укреплялся. И когда в ходе революционных событий 1917 г. была отменена обязательность исповеди и причастия, выяснилось, что истинными приверженцами церковных устоев оставались немногие. Рассмотренная здесь история дьячка Замятина помогает понять, почему дело обстояло именно так. Все эти дьячки-пьянчуги, вздорные дьяконы, мало-вразумительные священники жили бок о бок с простыми людьми, которые все видели, примечали и делали выводы.

Барановы, Кудрины... Щепины... Юферевы... : историко-родословные материалы по Круглыжской (Верхневелужской) округе / сост. В. А. Любимов. Киров, 2016. Кн. 3.

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни : очерки по церковной этнографии. 2-е изд. СПб., 2007.

ГАКО. Ф. 237, 252.

Горев Е. История Никольского храма города Котельнич. Котельнич, 2016.

Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М., 1928.

Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

Кони А. Ф. Петербург: воспоминания старожила // Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. М., 1969. Т. 7.

Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное духовенство в России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

Мамин-Сибиряк Д. Н. На рубеже Азии : очерки захолустного быта // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1: Рассказы, очерки, 1881–1884. М., 1958.

Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1985.

Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

¹⁷ Мне известны три варианта этой фразы [см.: Мамин-Сибиряк, с. 173; Кони, с. 27; Шавельский, с. 175].

Цытин В., прот. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. М., 2007.

Шавельский Г., протопресв. Русская Церковь пред революцией. М., 2005.

Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.

УДК 94(47).081:351.751

С. С. Мешалкина

ИМЕННОЙ УКАЗ 1865 г. «О ДАРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ОБЛЕГЧЕНИЙ И УДОБСТВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается влияние цензурного указа «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г. на деятелей культуры и журналистики. Отражена деятельность Министерства внутренних дел. Особое внимание уделяется реакции общественности, нашедшей отражение в мемуарах государственных деятелей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цензура, институт цензуры, Александр II, В. А. Валуев, общественное мнение, социальный контроль, Министерство внутренних дел.

В начале 1863 г. цензура переходит в ведение Министерства внутренних дел, которое возглавлялось графом П. А. Валуевым. Это был человек достаточно консервативных взглядов, во всем старавшийся выполнять указания императора. Для него, как государственного деятеля, были характерны такие черты, как карьеризм и угодничество, в первую очередь перед императором, а также перед «сильными мира сего», что и объясняло его политику лавирования. Колебания Валуева в тех или иных вопросах политики являлись в какой-то степени отражением колебаний самого Александра II. Газета «Колокол» остроумно заметила: Валуев, как известно, «флюгер, направляемый ветром придворным» [см.: Валуев, т. 1, с. 30]. Он вел решительную и беспощадную борьбу не только с революционно-демократической, но и оппозиционной печатью. «Никогда, – писал И. С. Аксаков, – цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный» [Там же, с. 39].

Цензор А. В. Никитенко в своем дневнике регулярно выражает недовольство чрезмерной строгостью Валуева еще до передачи цензуры